

ТЕАТР

и драматургия

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ФЕВРАЛЬ 1935 № 2 (23)

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Редакция: Москва 6, 1-й Самотечный пер., 17, тел. Д1-97-40

КОМИССАРЖЕВСКАЯ И ЧЕХОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕХОВСКИХ ПОСТАНОВОК

II. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

А. П. Чехов не знал В. Ф. Комиссаржевской, когда ему сообщили, что роль Нины из *Чайки* поручили ей. Это было в 1896 году, когда А. П. дал *Чайку* Александринскому театру и высказал желание, чтобы роль Нины поручили М. Г. Савину.

Однако Савина на первую репетицию не приехала, и прислала режиссеру Е. П. Карпову письмо с отказом играть Нину. Сперва Савина намеревалась взять роль Маши, но на второй репетиции отказалась и от нее.

Только перед третьей репетицией Карпов поехал к В. Ф. Комиссаржевской и предложил ей играть Нину. После долгих колебаний артистка согласилась прочесть пьесу. На другой день Комиссаржевская уже была охвачена интересом к роли и только боялась, что не сумеет овладеть ею за короткий срок, оставшийся до премьеры.

Чехов приехал в театр на четвертую репетицию и, огорченный, что роль Нины играет не Савина, сказал Карпову: «Роль Нины в пьесе для меня все... Боюсь... Не знаю». Однако после репетиции Чехов несколько успокоился: «Она по фигуре и вообще очень подходит, а только... тоже много играет. Вы верно заметили ей, что проще надо читать монолог... По мне кажется — Комиссаржевская талантливая».

На следующих репетициях Комиссаржевская все больше увлекалась Чехова своим исполнением, и он даже заметил Карпову: «Она так играет, словно была у меня в душе, подслушала мои интонации... какая тонкая, чуткая актриса».

На последней генеральной репетиции настроение Комиссаржевской передалось и другим исполните-

лям. Чехов был доволен и сказал В. Ф., что если она сыграет Нину на спектакле «как сегодня, будет очень хорошо... Лучше не надо». Публика генеральной репетиции произвела на Чехова неприятное впечатление, и он тогда же высказал предположение, что пьеса публике не понравится.

На первом спектакле (17 октября) публика собралась смотреть юбилей комической старухи Левкеевой. В зале все время смеялись, настроение у артистов упало. Неожиданно раздалось шипение и шиканье. Публика пьесы не поняла и понять не могла. Комиссаржевская, дрожа как в лихорадке, спрашивала со слезами на глазах Карпова после первого акта: «Что же это за ужас!.. Чему они смеются?.. Мне страшно выходить на сцену... Я не могу играть... Чему хохочут эти идиоты?» Карпов успокаивал В. Ф., успокаивал Чехова. После четвертого акта Чехов, бледный, покусывая бородку, с застывшей улыбкой на лице, вошел к Карпову и сказал: «Автор провалился». Успокоительные увещания Карпова не помогли, и Чехов, крепко пожав ему руку и сказав «спасибо», ушел из театра и уехал из Петербурга.

Вернувшись из театра домой, В. Ф. рыдала в объятиях матери, — она страдала за *Чайку*, за Чехова, за зрителя, за театр.

21 октября 1896 г. *Чайка* имела в Александринке успех. После этого спектакля Комиссаржевская писала Чехову: «Сейчас вернулась из театра, Антон Павлович, голубчик, наша взяла. Успех! Полный, единодушный, какой должен был быть, не мог не быть. Как мне хочется сейчас видеть Вас, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали этот единодушный

крик: «Автора!» Ваша, нет наша *Чайка*, потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает, верует так горячо, что многих уверовать заставит. Думайте же о своем призвании и не бойтесь жизни. Жму Вашу руку».

Этим письмом началась переписка Комиссаржевской с Чеховым, продолжавшаяся вплоть до 1904 года.

Как-то Чехов сказал одной артистке: «Не бойтесь автора никогда. Актер — свободный художник. Вы должны создавать образ, совершенно свободный от авторского. Когда эти два образа, актерский и авторский, сливаются в один — получается истинное художественное произведение».

Эту мысль Чехова полностью оправдала Комиссаржевская. Она чисто интуитивно создавала свой образ Нины, но он совпал с образом автора, «как будто она побывала у него в душе».

Чехов чувствовал это и однажды на репетиции в Художественном театре огорченно заметил: «Если бы сюда *Чайкой* Веру Федоровну!»

Помимо *Чайки*, Комиссаржевская играла Сашеньку в *Иванове*, поставленном в Александринском театре в сезоне 1897/98 года. В. Ф. создала яркий образ сильной жизнерадостной русской девушки. Полюбив слабого и усталого интеллигента, Сашенька-Комиссаржевская стремится силой своей любви сделать его способным к жизненной борьбе. Особенно удачны были сцены третьего акта с Ивановым и четвертого акта с отцом. Пьеса была поставлена всего два раза.

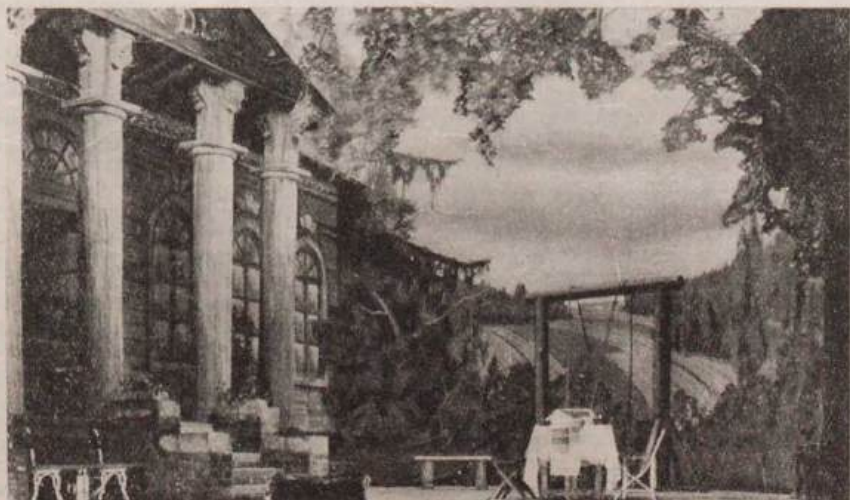
Сюно в *Дяде Ване* В. Ф. играла впервые в поездке.

Чехова любят отождествлять с его безвольными нежизнеспособными героями, любят приписывать ему пассивность и мрачный пессимизм. Соня-Комиссаржевская чрезвычайно характерна для Чехова и в то же время полна веры в лучшее будущее. Ее слова «Мы будем жить... мы будем работать для других... мы снесем все испытания, а потом мы отдохнем...» дышали силой и бодростью.

Когда Комиссаржевская-Соня уговаривала своим проникновенным голосом дядю Ваню («Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все земное, все наши страдания потонут в милосердии... Я верую... горячо, страстно верую...»), то в ее словах слышалась не покорность судьбе, не будничная серость маленькой, безвестной героини, а душевная высота и сила.

В воспоминаниях Питоева приводятся слова Комиссаржевской о *Чайке* и Чехове:

«Тогда я играла *Чайку*. Стояла я в темной кулисе — это была я, а сейчас пойду туда и буду —

А. Чехов „Дядя Ваня“. Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской.
1 акт (1904—05 г.). Пост. Н. А. Попов
Архив Ф. Ф. Комиссаржевского

Чайка. А он подошел и сказал: «У моей Нины были такие же глаза, как у Вас». И ушел. Я мало встречалась с ним. Помню в Крыму... Он должен был на другой день уехать, а я просила не уезжать. Был вечер. Молчали. Он попросил: «Прочтите что-нибудь». Я читала до ночи. Он поцеловал мою руку и сказал: «Я не уеду завтра». Но на другой день Чехов уехал...

Мне роль Чайки принесли за несколько дней до спектакля, я не знала пьесы. В первый раз я прочла Чайку в эту ночь. Всю ночь проплакала. Утром я любила Чайку и была она моей — я жила душой Чайки. Они не поняли. Чехов убежал из Петербурга. Они не поняли. Чайка моя любимая. Быть Чайкой — мне радость.

Мы привели эту выдержку потому, что она как бы резюмирует все сказанное выше о Чехове и

Комиссаржевской, об ее отношении к чеховским героям.

Комиссаржевская очень интересовалась творчеством Чехова. В сохранившейся в музее Чехова переписке имеются ее письма, в которых она просит прислать ей Трех сестер. Но Чехов писал эту пьесу для Художественного театра и по условию не мог ее никуда отдать.

Тоже повторилось и с Вишневым садом.

Комиссаржевская хотела открыть создаваемый ею в Петербурге Драматический театр пьесой Чехова и 24 декабря 1903 года писала:

«Антон Павлович, дорогой, я открываю театр в Петербурге. Я хочу, чтобы открытие это было связано с Вашим именем, и потому прошу Вас, дайте Ваш Вишневый сад. Я им открою. Я знаю, что Вам хочется отдать его в Але-

ксандринский театр, чтобы играла Савина. Судя по тем немногим сведениям, какие я имею о Вашей этой пьесе, роль ей очень подойдет и сыграет она ее хорошо.

Но Вы, именно Вы не сможете же не помочь мне в этом безумно трудном деле. Мне ли надо Вам говорить, сколько у меня врагов? Но есть такие люди, которые, я верю, помогут мне осуществить то, чтобы сбылось лучшее во мне. Я хочу, я должна, чтобы Вы были первым, но я не буду больше ничего говорить. Вы должны почувствовать, как я волнуюсь и как мне нужно Ваше слово и согласие. Телеграфируйте мне в Тифлис Ориант. Напишите мне что-нибудь».

В ответ Чехов написал пространное письмо, но, так же как и на просьбу о постановке Трех сестер, не дал прямого ответа. Из письма

Когда я думаю о своем
прислании — я не боюсь мысли
"Чайка" (Ант. Чехов)
В. Ф. Комиссаржевская

Автограф В. Ф. Комиссаржевской

Чехова к О. Л. Книппер выясняется его истинное отношение к просьбе Комиссаржевской.

Чехов писал Ольге Леонардовне:

«Получил от Комиссаржевской письмо. Просит новую пьесу для ее частного театра в Петербурге. Она будет хозяйкой театра. Чудачка! Ее ведь только на один месяц хватит. Через месяц же пропадет всякий интерес к ее театру; а написать ей об этом неловко, да и нельзя; она уже бесповоротно окунулась в свое предприятие. А что написать ей насчет пьесы? Отказать? Поговори поскорее с Немировичем и напиши мне, можно ли ей пообещать Вишневый сад, т. е. будет ли театр играть сию пьесу в Петербурге? Если нет, тогда пообещай ей».

Отношение Чехова к Драматическому театру Комиссаржевской наглядно показывает, какие трудности лежали на ее пути. Если даже Чехов, при всей своей проникательности, относился с недоверием к создаваемому Комиссаржевской художественному делу, то что же можно было ожидать от тогдашней прессы и рядового зрителя?

Между тем Комиссаржевская до последнего времени оставалась близкой чеховскому творчеству, была полна интереса к нему.

В 1904 году, будучи проездом в Москве, и узнав, что Чехов приехал на репетиции Вишневого сада, Комиссаржевская написала ему:

«Антон Павлович, голубчик, я в Москве на несколько часов. Вечером уезжаю. Мне страшно хочется Вас видеть. Не придете ли Вы ко мне, в какой час хотите. От 9 до 11. Еду с курьерским. Я там же, где Вы у меня были: Леонтьевский пер., д. Катык, кв. Гучковой. У нас подъемная машина. Жду Вас. Крепко жму руку. Привет Ольге Леонардовне».

И наконец в Ташкенте за несколько дней до роковой болезни В. Ф. репетировала Чайку. Это была ее последняя репетиция...

После создания в Петербурге Драматического театра В. Ф. играла Союю в Дяде Ване в первом же сезоне, хотя Чехов и не дал ей открыть театр Вишневым садом. Дядя Ваня был поставлен режиссером Н. А. Поповым 4 октября 1904 года.

Чайка была поставлена для открытия второго сезона у Ко-

миссаржевской 1 сентября 1905 года.

Таким образом только через девять лет Петербург увидел снова Чайку. Но это уже была другая эпоха, и если еще оставались зрители, для которых Чехов никак не звучал, то молодежь воспринимала его с энтузиазмом.

Спектакль имел успех. Предположения Чехова не сбылись. И только сейчас мы можем оценить те трудности, какие пришлось преодолевать Комиссаржевской на ее творческом пути.

Теперь нетрудно проследить огромную созидательную работу В. Ф. Комиссаржевской, положившую начало новым формам театра. В наше время становится ясной и понятной правильность мечты Комиссаржевской о создании школы для подготовки нового актера, способного строить новый театр. Но для того, чтобы создать этот театр, отвечающий замыслам Комиссаржевской, нужно было создать нового человека. Это сделала Октябрьская революция, которая перевоспитала человека, сделала его способным не только творчески дерзнуть, но и осуществлять свои дерзания.